

В. Г. Графский

XXV КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Аннотация: Сообщение о 25-м конгрессе Международной ассоциации философии права и социальной философии, состоявшемся 15-20 августа 2011 г. во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) и посвященный обсуждению актуальных тем и проблем под общим девизом «Право. Наука. Технология».

Ключевые слова: философия права, естественное право, позитивное право, существование прав человека, субъективные права, Г. Кельзен, Н. Алексеев.

С 15 по 20 августа 2011 года во Франкфурте собрался очередной XXV конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии, на который прибыли свыше 850 участников из 55 стран. В их числе 37 участников, которые приехали из разных городов и научных центров России с тем, чтобы выступить с докладами на специальных комитетах и в рабочих группах конгресса.

Франкфурт – город Гете и место проведения самого памятного своим благотворным общеевропейским влиянием франкфуртского конституционного собрания 1849г., разместившегося в церкви святого Павла. Общедемократические конституционные формулировки собрания в отношении правил общения гражданина со своими государственными должностными лицами были замечены и одобрены конституционными реформаторами и политиками в Европе и России, а Ленин даже включил эту формулу в первую программу РСДРП и затем в программу большевиков в таком виде: гражданин должен иметь право привлечь к судебной ответственности любого чиновника, минуя стадию обращения с жалобой к вышестоящему начальству чиновника. Впоследствии город стал местом обитания выдающихся социальных и политических исследователей XX века – представителей Франкфуртской школы социальных исследований в лице Адорно, Хоркхаймера, Маркузе, Хабермаса и др.

Конгресс проходил под девизом «Право. Наука. Технология» и состоял, как обычно, из 45 минутных генеральных докладов и равновеликих по времени обсуждений этих докладов, а также из докладов и обсуждений в специальных тематических и проблемных группах конгресса. Центральной проблематикой стали взаимоотношения между правом и этикой, а также между наукой и технологией. Как отмечалось в документах конгресса,

са, быстрое развитие науки и технологии в последнее десятилетие приводит к новым вызовам не только в отдельных областях доктринального права (гражданское право, публичное право, карательное право) но также и в смежных областях практической юриспруденции. Они затронули те части юриспруденции, которые связаны с организационной структурой судебных учреждений, эффективностью права в качестве инструмента социального регулирования и с эмпирическими условиями осуществления юридической ответственности. Акцент организаторов конгресса был сделан на том, что необходимо делать для того, чтобы юридические принципы стали адаптированными к подобным технологическим обновлениям и не уходить от этой задачи в сторону дискутирования по конкретным вопросам доктринального права.

Естественно, что под термином «наука» не подразумевается только естественная наука, но любая гуманитарная и социальная наука. Организаторы специально привлекли внимание к обсуждению взаимосвязей между теоретическим правоведением и экономической наукой, подчеркнув одновременно наличие научного характера в восприятии права, однако, эти ожидания не оправдались, отчасти в связи с тем, что экономисты, как правило, не испытывают потребности в учете результатов наработок науки о праве и своеобразия социального назначения самого права.

Темой одного из первых пленарных докладов стала проблема прав человека в современном мире, в котором проф. Саманта Бессон (Ун-т Фрибург, Швейцария) адекватно сформулировала одну из действительно актуальных проблем: разрыв между теорией прав человека и практическим их осуществлением на началах равенства. Здесь главными проблемной областью стала напряжен-

ность между равенством в пользовании правами на международном уровне и равенством в правоупотреблении национально-государственном (докладчика аттестовала этот уровень местническим масштабам равенства – domestic equality). Не меньшую озабоченность, по ее мнению, вызывает также напряженность в расхождении результатов правоупотребления с позиций идеальной и не-идеальной политической теории, в последнем случае очевидным примером может считаться вариант осуществления права с «позиций силы» и др. (Здесь и далее изложение докладов и выступлений делается по публикации их тезисов: Abstract book//

25th IVR Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. LAW. SCIENCE. TECHNOLOGY. 15-20 August 2011. Frankfurt am Main/Germany. P.43).

Доклад Т.С. Ферраза-мл. из ун-та Сан-Пауло (Бразилия) посвящен явлению, которое было обозначено и растолковано как «эрозия субъективных прав под влиянием развития техники». Речь о так называемых правах на не материальную собственность, прежде всего об авторских правах на так называемую интеллектуальную собственность. Здесь особенно заметны сложности с пользованием и защитой авторских прав на знания и на его продукты, а также с определением субъективных прав на полученное новое знание в тех случаях, где каналом распространения или пользования знанием становятся средства массовой информации, прежде всего интернет (там же, стр. 46-62). Главный неутешительный итог в этой области таков: культурная революция, привнесенная электронной информацией, побуждает признать, что медленно, но неуклонно все старые и твердые понятия субъективных прав больше не способны удержать наблюдающийся распад некоторых комплексных структур на отдельные кусочки, такие как биты информации и др. Признав это, пора призадуматься над тем, считает докладчик, что существующий мир *субъективного* (связанный с индивидом одиночкой) превращается в мир *проективного* (связанного с несколькими областями своего проявления). Если еще век назад творческий процесс носил явный отпечаток личности творца, то сегодня творческие создания требуют осовременивания и усовершенствования или с помощью интерактивного процесса (интернет) или с помощью создания дополнительных средств (derivative works) – например, мультимедийной технологии: текста, образа, рисунка, звука, фотографии, программы электронного продукта. Более того, не только человек, но и сами машины «создают» продукты эстетического назначения, и в этом случае наличествует авторское право без автора: кто здесь автор? создатель программы?

При всех скопившихся актуальностях философского осмысления отдельных объектов теоретического и прак-

тического правоведения и масштабности заявленной общей темы прогресса самое пристальное внимание привлекла одна старинная тема, периодически оживающая – особенно в критические периоды социально-политической истории – тема, именуемая обычно как проблема сочетаемости выводов и результатов школы естественного права и школы юридического позитивизма. Поскольку большинство философов права склонны отдавать предпочтение авторитету и возможностям юснатурализма, то наиболее стойкие юспозитивисты относятся к этой проблеме осторожно и скорее вынужденно, нежели вследствие особой заинтересованности и воодушевления.

В истории проблемной конфронтации этих двух подходов наиболее памятные позиции и тезисы Г.Еллинека и Вл. Соловьева о наличии в праве необходимого этического минимума, а также тезис Г. Харта о включенности в юридический позитивизм минимума естественного права и тезис Л. Фуллера о моральности права. Заметным продолжателем этой традиции на конгрессе стал проф. Роберт Алекси (ун-т в Киле, ФРГ), который сумел на одном традиционном примере – трактовке природы и назначения прав человека – не только признать, но и многосторонне аргументировать тезис о том, что права человека суть явление не только для абстрактного обсуждения, но также для конкретно-практического и что они существуют в качестве реализуемых в жизни моральных, социальных, технических и иных требований. Свои позиции он изложил в специальном докладе под названием «Экзистенциальное измерение прав человека» (см. там же: pp. 87-90).

Права человека повсеместно рассматриваются в качестве основы нормативного порядка общества, полагает Алекси. Это общепринятое условное мнение обнаруживает себя не только в философии, но также в политике и праве. Многочисленные договоренности о правах человека можно считать проявлением триумфального шествия прав человека в период после Второй мировой войны. Их существование, как кажется, не вызывает вопросов. Тем не менее, существуют и сомнения: не является ли вера в существование прав человека всего лишь коллективным заблуждением или иллюзией. Фундаментальная критика тезиса о том, что права человека существуют, обнаруживает себя не только в темных закоулках политического, идеологического и религиозного экстремизма, но также в самых уважаемых философских писаниях. Алесдэйр Макинтайр являет собой пример такой критики, когда утверждает; «Таких прав не существует и вера в них из ряда верований в существование ведьм и единорога» (witches and unicorn).

Кстати, такая позиция вполне согласуется с некоторыми событиями и фактами, которые уже были

в истории идей. Дело в том, что обширный консенсус в общественном мнении нельзя считать безусловной гарантией истины. Действительное наличие в истории похожих верований уже само по себе достаточно разумное основание для постановки вопроса о действительном существовании прав человека, короче, вопроса о «сомнительности существования». Сам доклад Алекси, заметим еще раз, был назван в русле таких размышлений: «Существование прав человека» (“The Existence of Human Rights”).

На подступах к теме докладчик сразу объявляет, что нет смысла вести разговор о существовании чего-либо без уяснения того явления, которое провозглашается существующим, без его содержательной дефиниции. По мнению докладчика, дефиниция прав человека включает в себя такие составные характеристики: 1) моральную; 2) универсальную; 3) фундаментальную; 4) абстрактную; 5) условную оценочную; объявляющую права человека приоритетными в наборе всех других норм. Для обсуждения поставленного вопроса о существовании этих прав первый компонент дефиниции (моральный) представляется особенно важным, поскольку они приводят к заключению, что права человека суть моральные права. И это связано вот с какими соображениями. Права вообще существуют, когда они являются действительными (законно действенными) правами (валидными, valid). Позитивные права являются валидными если они должным образом оформлены (duly issued) и социально эффективны. Моральные права в отличие от законных являются действительными (валидными), если они оправданы. По этой причине существование прав человека в качестве моральных прав зависит от их оправданности, и только от нее одной.

Неожиданным продолжением заочной дискуссии о современных взаимоотношениях двух философско-правовых традиций стал доклад проф. Мариана Павчиника (М. Pavcnik) из Словении (ун-т в Любляна) под названием «Методологическая ясность или сущностная чистота? Примечание к дискуссии между Кельзенем и Питамицем». Речь о критическом восприятии известной теории Ганса Кельзена (1881-1873) его учеником и незаурядном комментатором Леонидом Питамицем (Leonid Pitamic, 1885-1971). Уже в ранней своей публикации (1921г.) посвященной истолкованию природы права классиками от Платона до создателя Чистой теории права, он уяснил и акцентировал мысль о том, что все классики и особенно Аристотель следовали строго нормативной модели в своих разъяснениях терминов Государство, гражданин и закон и при этом избегали методологического синкретизма. Опираясь на примеры из «Политики» Аристотеля, он формулирует аргументы в пользу вывода о том, что идея государства как некоего порядка, консти-

туционного или законного является основополагающей и для понимания самого термина государство. Так была сформулирована мысль о том, что для любой человеческой ассоциации очень важной является «идея, система, природа общежительной связи, а не то, как эта связь осуществляется». В одном из примечаний к названной публикации он приводит параллель между античным теоретическим пониманием, которое было свободны от «конструктивистских дополнений современной юриспруденции», и пониманием Чистой теории права, которая игнорирует этот момент – гипостазирование определенного методологического средства (речь о нормативном методе – В.Г.) и признает его лишь в качестве дополнительного в рамках реализации замысла о «понятийной экономии юридического мышления». Размышления над правом и его природой склоняют Питамица к мысли, что лавными элементами здесь являются порядок и человеческое поведение. Порядок настолько существен для права, что оно утрачивает свойство быть правом, если оно не в состоянии что-либо «упорядочить». Когда нормы правового порядка лишаются возможности быть постоянно применяемыми, они утрачивают способность служить «порядку» в обществе, для которого они предназначены, а само общество отныне управляется «беспорядком», впадает в состояние беззакония. Порядок, который получает такую плодотворную важность для права не есть порядок без содержания, но есть порядок, который регулирует человеческое поведение и действие. Порядок, обеспечиваемый правом, теряет свой правовой характер, когда его негуманные нарушения выходят за границы, вне пределов которых индивиды и социальные общности не могут существовать. Такова суть минимального содержания (читай минимального гуманитарного содержания -В.Г.) права, в его самой общей формулировке, приемлемой для всех, кто признает гуманность в качестве ценности (там же, р. 117).

При всем расхождении по отдельным проблемам природы и действительности права связующим звеном между учителем и учеником оставалась забота об оправдании нормативного подхода к правопониманию. Однако, для ученика почти с самого начала был характерно убеждение, что правопонимание не может довольствоваться одним методом чистого познания объекта исследования. Он доказывал. Что необходимо использовать и другие методы, помимо нормативного (особенно социологический и аксиологический), которые, однако, не должны смешиваться. Методологический синкретизм останется в стороне, если будет ясно проведено обособление между различными аспектами права и будет дозволено отдельным методам поддерживать друг друга. Шаг за шагом эти размышления побудили Питамица к соединению позитивно-правовой и естественно-правовой

концепции в рамках единой концепции естественного права (там же. P120)

По заключению докладчика, исследования ученика Кельзена показывают, что самая чистая теория права не может ограничивать себя пределами предмета права только как нормативной конструкции. Если мы желаем, чтобы эта конструкция была активной и юридически эффективной, она должна опираться на факты бытия и также делать возможным - в соответствии со своим идейным содержанием - существование индивидуального и социального общения и взаимодействия. Это естественно слабый каркас для наложения на право, и все же это каркас, который ясно и отчетливо заявляет о себе как о направлении, которого право должно придерживаться. Это направление разделяется всеми, кто интересуется правом как живым действительным феноменом (там же. P. 123)..

Российские участники организовали и провели заседание Рабочей группы конгресса по теме «Правовая философия Николая Алексева и европейская научная традиция». В обсуждении темы приняли участие В.Г. Графский (ИГПРАН, Москва), М.В. Антонов (ГУ-ВШЭ, Санкт-Петербургский филиал), И.В. Борщ (Рим, католический ун-т), А.В. Стовба (Харьков, Украина), А.В. Поляков (Юрфак Санкт-Петербургского ун-та), С.И. Максимов (Национальная юридическая академия Украины), И.Д. Невжай (Саратовская государственная юридическая академия) и др.

Николай Алексеев - философ права юрико-феноменологического направления, опубликовавший свой главный труд в Праге в 1924г. Право воспринимается философом как сложно организованное явление, представляющее в трех важнейших с точки зрения феноменологии характеристиках: субъект права, ценностное измерение права и идеал правоотношений. Государство в изображении Алексева не только вместилище параметров из трех элементов – власть, население, территория, но также социальное общение (общение союзное, имущественное и т.д.) Трудности с претворением идеи правового государства, по мнению философа, отчасти связаны неправильной оценкой соотношения правовой политики с идейной и социальной ситуацией, а также с тем, что, начиная с «Философии права» Гегеля, поддержавшей определенное идейное и социально-политическое направление, философская юриспруденция приняла на себя слишком многое, породив чрезмерный культ права и политики права. Заслуживает внимания также его постоянный интерес к соотношению и взаимоотношениям социальных наук с естественными науками в свете европейского и внеевропейского опыта. Творческий вклад Алексева в изучение права и госу-

дарства стал возможным благодаря использованию выдающихся результатов европейской научной традиции, он предстает сегодня малоизвестным и недооцененным, однако столь же оригинальным и значительным, как общепризнанные достижения других выдающихся русских европейцев – Гурвича, Петражицкого, Сорокина. Творчество Алексева представляет особый интерес в связи с обсуждением состояния и перспектив интегративной юриспруденции, юридической феноменологии, проблематики социального государства, а также промежуточных итогов давнего противостояния славянофилов и западников, либеральных демократов и «евразийцев» (сторонников синтеза культурных традиций Европы и Азии).

Существенная новация в трактовке Алексеевым предмета общей теории права и государства заключается в том, что он более отчетливо, чем кто-либо прописал индивида как участника правового общения, признав за ним не только возможности пользования правами или обязанностями, но также признав его обладателем и носителем ценностных ориентаций и установок. Это весьма важный момент в восприятии права и его пользователей. Дело в том, что в российской юриспруденции (и не только в ней), в определениях и обсуждениях социальной природы права почти исчез человек, воспринимаемый в масштабе личности. Даже в самом конфликтном и драматическом правовом общении человек-личность предстает в научных описаниях в виде абстрактной маски-символа (в виде *persona juris*), а не в виде *homo juridicus* как юридического существа, т.е. как органической составной части всей человеческой личности, несущей печать многосложного биосоциального существа – помимо всего прочего, существа мыслящего, действующего и растущего - ибо личностью никто не рождается, а становится, создается личными и вспомогательными общественными усилиями в течение всей жизни. В различных публикациях философа права заново рассмотрено место и роль традиционных дисциплин, таких как юридическая догматика, юридическая теория, психология и усложненная марксизмом общеупотребимая позитивистская социология, а также набиравших силу и влияние теоретических построений новейшей для его времени феноменологии, аксиологии, герменевтики и расширенный (но оставшийся периферийным) социологизм в виде солидаризма и анархизма и интеркультурализм в виде доктринального евразийства.

В настоящем номере публикуется выступление в рабочей группе конгресса И.В. Борщ (Университет Урбаниана, Италия – *Urbaniana University, Italy*) и А.В. Стовба (Харьков, Украина).

Проф., д.ю.н. В.Г. Графский